

— Вы ужъ сдѣлайте милость, — кланялся онъ Писарьку: — изъ отработковъ хотъ молотьбу-то намъ отставьте. Сдѣлайте милость! Тяжко будетъ, Миколай Оатѣичъ, ей-ей тяжко! не въ могу.

— Не въ могу — и не надо. Нѣшто я васъ тяну брать у меня землю? Это дѣло любовное: не выгодно, не бери. А между прочимъ, можетъ, и такіе найдутся, которымъ будетъ въ могу.

— Миколай Оатѣичъ! Вотъ-те хрестъ, дюжѣ тяжко... Пожалѣй ты насъ, хотъ маленечко.

— У меня, братъ, слово одно. Я, можетъ, съ тебя Богъ знаетъ чего не возьму за слово за свое, вотъ что. А ты лѣзешь! Небось какъ подата платить доведется, такъ тутъ напротивъ васъ и людей не сыщешь, чего-чего не наобѣщаете: и ужъ я-то вамъ замѣсто отца родного выхожу, и ужъ вы-то мнѣ, Богъ дастъ, отслужите, себя не жалѣючи: только, молъ, свисни, Миколай Оатѣичъ — мы ужъ тутъ всей душой... Благодѣтели, что и говорить! А какъ денежки за васъ повнесешь — сотнями вѣдь платить-то приходится! — тутъ вы сейчасъ изъ-за кажнаго дня торговаться рады... Что у тебя, ай руки-то отвалятся помолотить денегъ, другой? — вдругъ свирѣпо напустился Писарекъ на дядю Кукиша. — Ай тебѣ это расходъ дюжѣ великъ составляетъ? Купленные онъ у тебя, что ли, руки-то?

Дядя Кукишъ, совсѣмъ оробѣвши, поспѣшилъ отступить за товарищей.

— Я что-жъ, я какъ люди, — забормоталъ онъ въ смущеніи. — А по мнѣ какъ угодно...

— То-то вотъ и есть! — уже спокойно, но съ презрѣніемъ заключилъ Николай Оатѣевичъ. — Вся и цѣна-то вамъ грошъ, а туда-же артачитесь, торговаться вздумали. Эхъ!.. А впрочемъ, вѣдь насильно милъ не будешь: не нравится вамъ брать у меня землю — возьмите помимо у кого-нибудь другого. Это дѣло любовное, какъ кому пріятно, неволить васъ я не могу. А мнѣ даже и хлопотъ меньше: по крайности съ податями впередъ докучать не будете... Ну, должокъ-то, разумѣется, принесите, это ужъ какъ водится; не доклева же мнѣ ждать!

Крестьяне всѣ вдругъ заволновались.

— Нѣтъ, это зачѣмъ же! Нѣтъ, это что-жъ! — толковали они на перебой. — Ужъ мы, Миколай Оатѣичъ, отъ вашей чести не станемъ отбиваться николи: надо къ одному боку тянуть... Сусѣди мы, по-сусѣдски и жить слѣдуетъ. Когда мы васъ уважимъ, а когда и вы насъ. Такъ-то вотъ лучше! А ужъ отбиваться на сторону — это зачѣмъ же, это послѣднее дѣло.